

ской сказке в духе «Тысяча и одной ночи»³. Во-вторых, несмотря на отличную сохранность первоначального текста, их композиция зачастую анализировалась с произвольным привлечением как более древних текстов, так и позднейших переработок (как, например, в случае R. MacDonald или R. Boeing). В-третьих, анализ их композиции был отчасти дискредитирован надуманной гипотезой Р. МакДональда об *AAMt* и *AA* как христианских «Одиссеи» и «Илиаде». Наконец, богатые отдельные мотивы *AAMt* сравнивались обычно без учета их значения в общей концепции текста.

Чтобы проанализировать структуру *AAMt*, их генезис и содержание, эксплицитное и имплицитное, необходимо внимательное и аккуратное отношение к тексту актов. Нам представляется, что путь такого постижения должен основываться на нескольких уровнях анализа, идущих от более простого и очевидного к более сложному и глубинному. Во-первых, следует проанализировать текст на уровне построения и значения отдельных эпизодов и их взаимосвязи, а также на уровне использованных в них отдельных авторских приемов: такой анализ похож больше всего на то, как зритель анализирует театральную пьесу во время ее просмотра. Затем следует перейти на уровень общей композиции текста, а также проанализировать его пространственную и временную структуру: это происходит больше на анализ картины — здесь выявленное на предыдущем этапе получает новый смысл. Далее, отвлекаясь от общего снова к частному, наподобие некой интермеди, следует обратить внимание на источники вдохновения автора, которые он цитирует прямо или которыми незаметно пользуется. От них можно будет перейти к эксплицитно выраженным идеям, которые встречаются в авторском тексте или в репликах различных героев, и к тому, как они распределены по всему тексту: здесь необходим переход от обычного анализа отдельных идей к осмыслению идеальной композиции памятника. И только потом, синтезировав результаты предыдущего разбора, можно, наконец, выйти на уровень понимания того, зачем автор составляет именно таким образом отдельные части и весь текст, — на уровень понимания авторского замысла и того посыла, который он хочет донести внимательному читателю.

·A· ПОВЕСТВОВАНИЕ

Посмотрим для начала на то, как автор актов строит отдельные сцены, и что они значат, как он их связывает, и какой смысл они тем самым приобретают.

³ См.: Reinach S. Les apôtres chez les antropophages // Revue de l'histoire et de littérature religieuse, 9. 1904. P. 305—320.

Деяние святого апостола Андрея и Матфия в городе людоедов

При всей своей малоинформационности, заголовок текста мог бы указать нам на место данного памятника в андреевской традиции. При общем скепсисе ученых в отношении заголовков в средневековых рукописях термин «деяние/действие» признается наиболее аутентичным. К сожалению, из-за того, что все списки памятника восходят к эпохе итализма, мы лишены возможности утверждать, какое название — деяние (*πρᾶξις*) или действия (*πράξεις*) — первоначально. С одной стороны, *AAMt* описывает лишь одно деяние апостола, а заголовок «действие» свидетельствован, например, для переработки отдельного эпизода из *AA* в *Pap. Utrecht* copt. I. Если же оригинально название «действия», это означает, вероятно, претензию *AAMt* на такую же самостоятельность и значение, как у *AA*.

Имя Андрея стоит перед Матфием, хотя действие начинается в обратном порядке: это отражает главную роль Андрея в повествовании (Матфий участвует только в начале первой и начале второй части). То же самое относится и к городу людоедов: хотя действие разворачивается там только в начале первой и во второй половине актов, однако интрига и всей первой половины построена именно на этом городе⁴. Вполне возможно, что Матфий назначается в «помощники» Андрею как самый младший из двенадцати, избранный в их число вместо Иуды Искариота (Деян. 1.23—26).

1. 1. *В то время все апостолы собирались вместе и делали между собой страны, кидая жребий, чтобы каждому пойти в выпавший ему удел. И вот по жребию выпало Матфию отправиться в страну людоедов.*

Сцена разделения земли между апостолами по жребию, открывающая текст актов, считается типичным началом для апокрифических актов, хотя *AAMt* приводятся здесь, в свою очередь, как один из основных аргументов⁵. По предположению Ж.-М. Приёра, она могла открывать и *AA*⁶. Если это так, то *AAMt* стараются приравнять себя к большим актам (см. выше), создавая как бы «Деяния Матфия», — так становится возможным ввести в действие Андрея, не нарушая канвы его больших актов. С другой стороны, именно Матфий, как никто другой, связан со сценой жеребьевки, ибо сама обсуждавшаяся выше сцена восходит, в свою очередь, к Деян 1.23—26, где Матфия избирают по жребию в число двенадцати апостолов.

⁴ Из-за сходства имен вместо Матфия в рукописях не только *AAMt*, но и *MM* часто появляется Матфей, и поэтому иногда получает развитие даже тема бывшего мытаря (см., напр.: Апокрифическое житие. 8).

⁵ Junod E. Origène, Eusèbe et la tradition sur la répartition des champs de mission des apôtres // Les Actes apocryphes des apôtres. Christianisme et monde païen. Genève, 1984. P. 233—248.

⁶ Acta Andreae / Cura J.-M. Prieur. Turnhout, 1989. P. 38—40. (CCSA; 5).

1. 2. А люди в том городе ни хлеба не ели, ни вина не пили, но питались человеческой плотью и пили человеческую кровь. Поэтому всякого человека, который прибывал в их город, они хватали и ослепляли, выкололи ему глаза. И ослепив, его поили зельем, приготовленным при помощи колдовства и магии, и когда его поили зельем, изменялось его сердце, и переменялся его ум.

За сценой жеребьевки следует пролог *AAMt* — описание людоедов, среди которых и будет разворачиваться действие большей части текста. Характерно, что антропофаги не несут на себе никаких других черт типичного для античной литературы варварства⁷ — напротив, их общественное устройство и цивилизация изображаются довольно развитыми. Важно также, что здесь и в дальнейшем людоедству не приписывается никакая культовая функция, но, напротив, этот процесс осмысливается чрезвычайно рационально (заключение в тюрьму, зелье, ослепление, откормка, табличка с датой, ежедневная норма жертв, печь, желоб и т.д.), что выдает в этом моменте чистую художественную фикцию, имеющую аллегорический характер (звенообразность людоедов характерна только для *MMt I*⁸).

По сути, разница между людоедами и обычными людьми сводится здесь к отказу от пищи дозволенной (хлеба и вина (или воды, как во многих рукописях); хотя в гл. 24 содержится намек на то, что они ели овец и быков) в пользу недозволенной (человечина и кровь)⁹. Другой характерный для описания варваров мотив — применение магии. Однако после гл. 1–2 ни о какой магии у людоедов не сообщается — напротив, они сами называют Андрея колдуном (гл. 22).

2. 1. Итак, когда Матфий вошел в ворота их города, схватили его жители этого города и выкололи ему глаза, а после этого напоили своим колдовским и обманным зельем, отвели в тюрьму и дали ему в пищу сено, но он не стал есть. Ведь хоть он принял их зелье, не изменилось его сердце, и не переменился его ум, но молился он Господу со слезами:

В гл. 2, где собственно и начинается действие актов, повторяется описание всех обычных действий людоедов из гл. 1, но теперь в отношении Матфия. И если он бессилен перед внешним насилием (арест и ослепление), то внутренне остается неповрежденным: отказывается есть сено, подобно животному (а это, как выясняется, и есть цель опаивания волшебным зельем). Этот ключевой момент излагается постепенно: волшебное зелье (гл. 1) — как следствие, поедание сена (начало гл. 2) — уподобление скоту (конец гл. 2). Данный мотив засвидетельствован впервые в «Одиссее», причем Матфий, действительно, похож на Одиссея, избежавшего превращения в скота. Однако причина этого в актах иная, не

⁸ См.: Vinogradov A. Le début authentique...

⁹ О значении этой оппозиции см.: ниже.

физическая: Матфий остается человеком, по-видимому, в силу своего духовного перерождения, превращения во «внутреннего человека», которому не страшно никакое зелье¹⁰, причем нет никаких указаний на прямое вмешательство Бога. Примечательно и то, что Матфий не успевает даже приступить к своей миссии: его хватают не за проповедь Христа (как в *AAMt* (BHG 110a), где она направлена против людоедства), а как обычного путешественника. Таким образом, *AAMt*, с одной стороны, сознательно избегает столь важного для апокрифических актов элемента, как проповеди, а с другой, приближает появление на сцене главных героев и основного действия.

2. 2. «Господи мой Иисусе Христе, ради Которого мы всё оставили и последовали за Тобой, зная, что Ты помогаешь всем надеющимся на Тебя, внемли же и посмотри, что сделали с Матфием, Твоим рабом, как уподобили меня скотам, ведь Ты знаешь все. Поэтому если Ты определил мне, чтобы сожгли меня беззаконные жители этого города, то не избегу я Твоего замысла. Но даруй, Господи, свет моим глазам, дабы мне хоть увидеть, что замышляют против меня беззаконные жители этого города. Не оставь меня, Господи Иисусе Христе, и не предавай меня этой горькой смерти».

Проповедям автор актов предпочитает молитвы. Начало и конец молитвы Матфия достаточно стандартны и содержат набор клише (часть их восходит к псалмам): «Господи... внемли и посмотри», «ведь Ты знаешь все», «не оставь меня» и т.п. Сперва он напоминает Христу о Его же словах (Мф 19. 27), где Тот обещает воздаяние последовавшим за Ним, — воздаяние это, впрочем, свершится только в раю (что и будет описано в конце первой половины актов, в гл. 17). Затем следует просьба о помощи в избавлении от скотского состояния. Напоследок Матфий просит избавить его от «горькой смерти»: скорее от съедения людоедами, чем от незрячей кончины. При этом последняя фраза молитвы несколько противоположна той, которая находится на одну раньше: эта оппозиция весьма напоминает Гефсиманское моление Господа Иисуса о чаше (Мф 26. 39; Мк 14. 36; Лк 22. 42), только с обратным порядком членов.

Намного необычнее середина молитвы. На первый взгляд, Матфий выражает послушание воле Божьей, однако фразу οὐ μὴ ἐκφεύγομαι τὴν οἰκουμένα σου («не избегу я Твоего замысла») можно толковать двояко: и как согласие апостола, и как невозможность избежать высшего замысла — тогда это не послушание, а скорее примирение с неотвратимостью судьбы. Необычна и следующая просьба Матфия о том, чтобы хоть видеть, как людоеды будут покушаться на его жизнь. Тема наблюдения за людоедами, которого те не замечают, всплынет затем в начале второй части в отношении Андрея (гл. 22–24). Матфий не случайно просит Бога дать

¹⁰ Ср. АА 16; Мк 16. 18.

«свет глазам»: утрата зрения, а именно это означает библейское выражение «свет глаз»¹¹, связано с утратой Божественного света. Поэтому вполне закономерно, что в ответ на просьбу Матфия в гл. 3 ему является, прежде всего, именно этот свет.

3. 1. *После этой молитвы Матфия в тюрьме засиял свет, и раздался из света голос: «Матфий возлюбленный, прозри». И тотчас он прозрел. Снова раздался голос: «Крепись, Наш Матфий, и не бойся, ибо никогда не оставлю Я тебя. Ведь Я избавлю тебя от всякой опасности, и не только тебя, но и всех твоих братьев, кто с тобой, ибо Я с тобой ежечасно и всегда.*

Начало гл. 3 представляет собой исполнение просьб Матфия из гл. 2: засиял свет, о котором тот просил, и апостол прозрел; кроме того, Бог обещает просимые Матфием помочь и спасение. Тема прозрения характерна и для AA¹². Нельзя не обратить внимания и на новацию — тему других заключенных, которые названы братьями Матфия: они вновь появятся в тексте в начале второй части.

Кроме того, вся эта сцена — первое из многочисленных явлений Божества в AAMt. Голос — вид теофании наиболее абстрактный, но при этом довольно устойчивый в актах (гл. 22, 28): сочетания этих качеств приводят к тому, что дьявол пытается подражать именно голосу (гл. 27). Некая абстрактность такой теофании оказывается и в том, что не обозначено, кто говорит с Матфием, лишь в конце эпизода выясняется, что это Спаситель.

3. 2. *Но потерпи здесь 27 дней ради устройства множества душ, а после этого Я пошлю к тебе Андрея, и он выведет тебя из этой тюрьмы, и не только тебя, но и всех, кто с тобой». Сказав так, Спаситель снова сказал: «Мир тебе, Наш Матфий», и отправился на небеса. Тогда Матфий, увидев это, сказал: «Милость Твоя да пребудет со мной, Господи Иисусе Христе». Сказав так, Матфий сел в тюрьме и стал петь псалмы.*

В сцене теофании заложена и еще одна функция — композиционная. Неожиданное разделение реплик голоса можно объяснить только тем, что в первой дается ответ на просьбу Матфия, а во второй излагается сюжет ближайшей половины текста (гл. 4—21; остаток первой половины и начало второй): приход Андрея и освобождение Матфия с другими узниками. Здесь впервые упоминается (еще до первого своего появления на сцене) Андрей — настоящий герой AAMt. Третья реплика, в отличие от двух первых, выделена по технической причине: она представляет собой стандартную формулу прощения и отделяется от основной речи в AAMt во второй раз (гл. 4).

¹¹ Ср. Пс 37. 11; Тов 10. 5; 11. 3; Вар 3. 14.

¹² Gregorius 2. 12, 32.

Исполнение обещания Христа на деле распадется на две далеко отстоящие друг от друга части (отправление и освобождение; гл. 4 и 19) и займет всю первую половину текста. Причем окончательное завершение такого краткого плана первой половины AAMt знаменует то, что именно эту фразу с некоторыми сокращениями вспоминает Матфий в гл. 19.

Кроме географических, действие обретает, наконец, и хронологические реперы. Христос пошлет Андрея за три дня до истечения тридцатидневного срока заключения Матфия (см. ниже), и Андрей доберется до города людоедов за один день.

Также получает здесь развитие и тема заключенных вместе с Матфием. Христос, отвечая Матфию, объясняет, что Его замысел касается не только апостола, но направлен шире на устройство «множества душ», под которыми надо понимать, как мы увидим вскоре (гл. 4), не столько других узников, сколько самих людоедов.

Финал теофании несколько противоречит ее началу: если вначале речь шла только о свете и голосе, то в конце Христос «отправился на небеса». Здесь возможны два объяснения: либо автор опрометчиво использовал стандартную клузулу описания теофании (ср. гл. 4. 16, 18); либо Христос все же является Матфею здимо, а сцена теофании разворачивается по нарастающей, от абстрактного к конкретному (свет — голос — Христос). Вторую версию отчасти подтверждают и следующие слова «увидев это» (хотя они могут быть и следствием однажды допущенной ошибки).

Вся сцена в тюрьме в гл. 2—3 имеет некоторый лингвистический оттенок: молитва Матфия — наставление Христа с цитацией Писания — преподание мира — возглас Матфия — пение псалмов. Заметим, что псалмы в раннехристианскую эпоху составляли основу не только частной молитвы, но и общественного богослужения.

3. 3. *И когда вошли палачи в тюрьму, чтобы вывести людей себе в пищу, случилось так, что Матфий закрыл глаза, дабы не заметили, что он видит. Подойдя к нему, палачи прочли табличку у него на руке и сказали промеж себя: «Еще три дня, а потом выведем и его из тюрьмы и зарежем». Потому что для каждого человека, кого ловили, они отмечали день, когда схватили его, и привязывали ему к правой руке табличку, что-бы знать об истечении тридцати дней.*

Следующее действие происходит через 27 дней, о которых говорил Матфию Христос (гл. 2), то есть действие вроде бы подходит к развязке, к исполнению Его обещания. На самом деле, эта линия сюжета, как уже говорилось выше, получит свое развитие только во второй половине текста.

Продолжат впоследствии свое участие в сюжете и все упомянутые в гл. 1—3 персонажи: Матфий, людоеды, узники. Здесь к ним добавляются еще и палачи — постоянно упоминаемая в AAMt группа (всего их было 14), которая оценивается настолько негативно, что именно они из всех людоедов и отправляются в ад (гл. 31).